

«Я хочу отнять у тебя глаз!»

Во что играют наши дети?

Учителя бьют тревогу: компьютерные игры и социальные сети не оставляют никаких шансов старым добрым пряткам, вышибалам, казакам-разбойникам или хотя бы резиночкам. Корреспондент «РР» отправилась в московские школы, чтобы разобраться, во что на самом деле играют современные дети и кто виноват в том, что подвижные игры теряют популярность.

Попрыгай — отойдет

— Давайте поиграем.

Воспитательница продленной группы школы № 283 на северо-востоке Москвы Наталья достает из пакета скакалку. Реакция детей — как будто достали розгу. Первоклассницы тут же отходят в сторону. Они держат телефон, из которого раздается бойкая музыка.

— Что это? — спрашиваю я у них.

— Леди Гага, — отвечают.

— Раз-два-три! — дает Наталья команду девочкам — им все-таки пришлось взять скакалку. Одна крутит с одного конца, другая с другого, третья прыгает. Но происходит сбой. Синхронно крутить скакалку, держа в другой руке телефон с Гагой, не получается.

— Нет, неинтересно им. Вчера в вышибалы предложила, встала вместе с ними даже — не пошло. На улице только в футбол хорошо играют. Но это мальчишки. Остальное никак, просто никак... Хотите через забор мячик покидать? — обращается Наталья к другой группе девочек.

— Нет. Мы хотим в доктора.

— Ну давайте.

— Что за доктор? — напрягаюсь я.

— Кидаешь мячик. Кто не поймал, у того можно отнять глаз. Или ногу. Или руку. Вот Ульяна не поймала, я хочу у нее отнять глаз. Закрывай глаз, любой. Не, только один.

Ульяна зажмуривает один глаз.

— А у тебя я отнимаю одну руку.

— Не-е-ет!

Детство закрытых дверей

Александра Воробьева, педагог-психолог и куратор начальной школы, сидит напротив меня в джинсах и пиджаке, у нее очень загорелая кожа и несколько сережек в ухе.

— Есть такая вещь, я не знаю, как ее назвать... Они стали более потерянные, что ли. Мне кажется, что несколько лет назад дети были более собранными. Способными слышать других, отвечать за себя, ходить парами.

Мы сидим в кабинете директора школы Ирины Вороновой. Нас вроде бы трое, но на самом деле пятеро: сверху со стены бдят Владимир Путин и Дмитрий Медведев.

— Помните, мы и в прятки играли, и в колдуна, и в третий лишний, — подхватывает директор. — А сейчас,

даже когда их воспитатель организует, интерес не очень большой. Они хотят делать только то, что они хотят.

— Почему так?

— Может, мы, взрослые, мало друг с другом общаемся, редко ходим друг к другу в гости, больше замкнуты на своих семьях? — внимательно смотрит на меня Ирина. — Поэтому и дети стали более закрытыми. В результате им стали интересней индивидуальные игры, а не коллективные. А в этом формате у компьютера нет конкурентов.

Первое, что хочется сделать, когда оказываешься в коридоре во время перемены, — это заткнуть уши. Шум стоит такой, что с трудом слышу, что мне говорит Александра Викторовна, хотя она идет рядом. Подхожу к второклассникам, которые, кажется, во что-то играют. По ходу успеваю увернуться от летящего огрызка.

— Во что играем?

— В салки, — отвечают они и почти не смотрят в мою сторону.

В противоположном углу трое первоклассников гоняют ногами маленький разноцветный мячик.

— Мальчики, что это?

— Попрыгун.

В надежде на тишину я отправляюсь в группу продленного дня.

— Раньше они были, вы знаете, хорошие. Правда, любили есть козьявки. Ой, я отучала, это было просто что-то! А эти дерутся.

Воспитательница продленной группы Наталья стоит у доски и пытается ответить на мой вопрос: как изменились дети?

Вторую парту у окна обступили первоклассницы. Все по парам играют во что-то в телефоне. Несколько человек сидят по отдельности, кто-то рисует, кто-то пишет в тетради. В дальнем углу на полу расположились четвероклассники с игровыми приставками в руках.

Подхожу к девочкам у окна.

— Я люблю в куклы играть.

— А я на компьютере.

— А я люблю строить дома в телефоне.

— И я играю в моем телефоне. У меня есть «Утенок», «Гонки».

— А почему вы ходите в продленку? Родители работают?

— Да. У меня мама на ходулях ходит. У нее с ногой проблема была.

— А моя мама учится на бухгалтера.

— А у меня бабушка занимается домом, заботится о собаке.

— А у меня мама не знаю кем работает, а папа перерабатывает пластик.

Иду в угол, туда, где четвероклассники. Сажусь рядом с ними на пол. Во что играете, спрашиваю.

— В камень, ножницы, бумагу.

— Можно я с вами?

Смеются.

— Мы на щелбаны.

К разговору присоединяется Вика, единственная девочка в этом углу.

— А мы с подружкой Катей в обычную жизнь играем

— В обычную жизнь?!

— Ну, я как будто кем-то работаю. И она тоже. Я люблю врачом быть. А она любит, прям как в школе, учителем.

Среда заела

Чтобы лучше понять, что происходит с сегодняшними детьми, отправляюсь к психологу. Анна Маричева работает в детском творческом центре. Мне ее рекомендовали как большого специалиста по играм.

— Моему младшему сыну одиннадцать лет, — говорит она. — И когда он, например, рассказывает, что они играли с кем-то вместе, это значит, что либо у них было два джойстика в руках и они в одном телевизоре что-то крушили, либо вообще один играл, а другие вокруг смотрели. По тому, во что играют дети, можно судить о той среде, в которой они растут. И среда точно изменилась.

— Каким образом?

— Дети не ходят без присмотра. В противном случае это соцнеблагополучие какое-то. То есть ребенок без присмотра — это вообще не норма в современном городе. Дети только к четырнадцати годам начинают перемещаться по одному. Даже по закону ребенок до двенадцати лет сегодня не имеет права быть без присмотра. И самое главное отличие от моего детства — это исчезновение дворовых компаний, разновозрастных, в которых старшие дети обучали играм младших. У взрослых не было задачи учить детей играть, они сами этому учились. А сейчас дети, особенно городские, не растут во дворах. Это всегда организованные группы и всегда под руководством взрослых.

— И как, взрослые справляются?

— В подавляющем большинстве без особого энтузиазма. Для родителей это дополнительная нагрузка. Ни одному родителю не придет в голову выходить во двор чертить классики и прыгать. Поэтому игры, которые в этот момент ребенок может самостоятельно освоить, — это компьютерные игры, которые таким образом и вытесняют все то, что у нас было во дворе.

— Живые игры умирают?

— Им трудно играть вместе. К тому возрасту, в каком мы уже спокойно играли — к 7–8–9 годам, — современные дети не умеют проигрывать. И когда они сталкиваются в коллективной игре с тем, что проигрывают, они расстраиваются, как малыши. Отсюда: лучше я буду играть в электронную игрушку, чем в компании, в которой я могу проиграть.

— Это плохо?

— Вообще игра для ребенка до семи лет — основная среда. Там происходит его развитие: и эмоционально-волевое, и интеллектуальное. Он полностью развивается в игре, учится выигрывать, проигрывать, уступать, подчиняться, ждать своей очереди, приобретает много других навыков, которые потом пригодятся в социальной жизни.

— Если нарисовать портрет современного ребенка, то какой будет главная его черта?

— Вы знаете, они стали более автономные, ориентированные не на общение. Они привыкают к тому, что все их поступки подчинены какой-то цели. Так происходит с самого начала, с пятилетнего возраста: сюда ты ходишь буквы выговаривать, туда математику учить, там танцевать, здесь рисовать. Из их жизни исчезает общение просто так, бесцельное.

Самолетик со смыслом

Южное Бутово, школа № 2007 с углубленным изучением физики и математики. В коридоре сидят две пятиклассницы с планшетником. Смотрят в него не отрываясь. Одна из них быстро двигает пальцами по экрану. На мой вопрос отвечают только со второго раза.

— Надо фрукты резать, — говорит одна из них, не поднимая головы.

— Как называется?

Девочка сворачивает изображение, входит в меню и тихо читает:

— «Фрут ниндзя».

— Почему у вас в кабинете нет портрета Путина? — спрашиваю я у директора школы Алексея Бунчука. Ему около семидесяти, он доктор физико-математических наук. Вообще-то эту школу на самом краю Москвы я выбрала именно из-за него. Очень уж захотелось посмотреть на человека, который изучал акустику океана, ездил в серьезные научные экспедиции, защитил докторскую диссертацию, а потом взял и пошел работать в школу.

— А почему здесь обязательно должен быть Путин?

Вместо президента слева от его рабочего стола висит портрет академика Сахарова. Напротив в книжном шкафу стоит фотография Леонида Мильграма, народного учителя СССР. Накануне Бунчук убеждал меня по телефону, что ничего интересного я у них не увижу: «У нас особенные дети. Им некогда играть». На следующий день он признается, что поторопился с выводами.

— Вы знаете, вчера после нашего разговора... я прошелся по школе, посмотрел. Вижу, кто-то играет в шахматы, другие с какими-то карточками что-то делают... Кажется, они все-таки играют.

Мы поднимаемся на второй этаж. Директор ведет меня в библиотеку.

— Они там проводят больше всего времени.

Заходим. Внутри никого, кроме библиотекаря. На ее столе стоят ящики с карточками и портрет Александра Блока. Натуральный запах бумажных знаний.

— Что они у вас берут?

— В основном по программе. Но не только. Любят, например, фантастику, Герберта Уэллса, Кира Булычева — это у нас любимый автор в 5–6-х классах. Но они тут не только читают, они еще играют в настольные игры. В шахматы, шашки. Есть у них еще какие-то свои. На листочках рисуют какие-то точки... Нет, не морской бой. Но морской бой тоже есть. И крестики-нолики, как раньше.

— А еще мы иногда играем вот во что, — просвещают меня дети на перемене. — Делаем бумажный самолетик. Пишем там какое-то слово. Оно должно дойти до любого человека, как послание. Дальше он пишет свое слово, не видя то, что до него написали. Он его отправляет дальше. И так постепенно все пишут по слову, и получается одно такое большое послание, и мы его читаем.

Два часа дня, уроки закончились. Школьная библиотека наконец начинает заполняться. Заходит девятиклассник.

— Здравсти!

— Здравствуй! Что ты вздыхаешь? Устал?

— Устал. Просто какая-то хроническая усталость у меня.

Все улыбаются. Он садится, открывает учебник и тетрадь. Напротив уже устроились шестиклассники. Один что-то тихо предлагает другому.

— Да на хрена это надо!

— Ах! — библиотекарь почти подпрыгивает. — Непарламентскую лексику слышу!

— Извините, пожалуйста.

Отдельно ото всех у окна сидит девочка в очках. Ест яблоко и читает книжку. Через какое-то время библиотекарь решает ее развлечь — дает коробку с карточками, из которых надо собрать лабиринт. Мы знакомимся. Зовут Юля, 12 лет. Ждет маму, чтобы та забрала ее из школы.

— Их нужно складывать, чтобы совпадали ходы, — объясняет она мне про лабиринт. — Я когда-то играла в

монополию еще, но она мне надоела. Но всем остальным она очень нравилась, была просто эпидемия монополии.

— А сейчас какая у вас любимая игра?

— Да в компьютерные все играют. Компьютеры же у всех. Но лично мне не нравится.

— А с подружками?

— С подружками я тоже ни во что не играю.

— Почему?

— Ну, мы просто гуляем. А, вот! — вспоминает вдруг Юля. — Однажды у нас один мальчик из класса принес детектор лжи.

— Что?

— Ну, он на телефон скачал программу, «детектор лжи» называется. Там нужно было прикладывать палец — он пульс измерял и еще что-то такое. И сообщал, правду ты говоришь или ложь. Например, кто кого любит.

— И что?

— Все очень скоро научились его обманывать.

Звонит Юлина мама, говорит, что скоро будет.

— А чем у тебя мама занимается?

— Она... У меня дедушка академик. Он работает в институте и пишет книжки. И дает маме их. Она исправляет ошибки и перепечатывает. Ну, а так она по дому занимается...

— Ты вообще физиком хочешь быть?

— Нет.

— Математиком?

— Да я вообще никем не хочу быть (смеется). Хотя у меня биология лучше всего идет. У меня в прошлой четверти только пятерки были.

На следующий день я стою у расписания на первом этаже и думаю, не сходить ли мне на какой-нибудь урок. В этот момент за моей спиной раздается голос директора.

— Вот вам, кстати, вопрос: «Я встретил вас — и все былое...» — кто автор?

— Пушкин?

— Ну конечно, у нас все Пушкин!

Мне стыдно. Начинаю стремительно перебирать в уме фамилии поэтов...

— Я раньше любил урок начинать с того, что читал им какое-нибудь известное стихотворение. Они должны были отгадать, кто автор. Кто отгадал, тому пятерка.

— Урок физики? — уточняю я.

— Да, физики. Но никто ни разу не угадал. Я ведь готовился к уроку.

— Ну, так кто автор? — мне как-то беспокойно.

— Тютчев, — заразительно улыбается директор.

Все-таки взрослые любят играть даже больше, чем дети. Так что у современных школьников еще все впереди.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Светлана
Прокудина.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)